

ЦИКЛ «МЕТАМОРФОЗЫ»:

VITA NOSTRA

ЦИФРОВОЙ, ИЛИ BREVIS EST

МИГРАНТ, ИЛИ BREVI FINIETUR

VITA NOSTRA:
РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

МЕТАФАНТАСТИКА
МАРИНЫ И СЕРГЕЯ ДЯЧЕНКО

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

VITA NOSTRA

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д99

Оформление *Екатерины Тинмей*

Дяченко, Марина Юрьевна.

Д99 Vita Nostra / Марина и Сергей Дяченко. — Москва : Эксмо, 2021. — 576 с.

ISBN 978-5-04-121677-1

Жизнь Саши Самохиной превращается в кошмар. Ей сделали предложение, от которого невозможно отказаться; окончив школу, Саша против своей воли поступает в странный институт Специальных Технологий, где студенты похожи на чудовищ, а преподаватели — на падших ангелов. Здесь ее учат... Чему? И что случится с ней по окончании учебы?

**УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-121677-1

© Дяченко М., Дяченко С., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ЧАСТЬ I

...Цены, цены, это просто ужас! В конце концов мама сняла комнатушку в пятиэтажном доме, минутах в двадцати от моря, окнами на запад. В другой такой же комнатушке (квартира-то двухкомнатная!) жили парень с девушкой. Кухня, ванная, туалет — все, получается, общее.

— Они ведь целыми днями на пляже, — успокоила хозяйка. — Много ли молодым надо? Море, вон оно, из окна почти что видно. Рай.

Хозяйка ушла, оставив два ключа: от входной двери и от комнаты. Сашка нашла на дне чемодана прошлогодний, чуть полинявший купальник и торопливо переделась в ванной, где сохли на батарее чужие трусики. Ее охватил праздничный счастливый зуд: еще немножко, и в море. Волны, соль на губах, глубокая вода цвета хаки — все забылось за долгую зиму. Пальцы в прозрачной волне цветом похожи на белую черешню. Плыешь в горизонт, чувствуешь, как море оmyвает живот и спину, потом ныряешь и видишь камни на дне, водоросли и зеленоватую пеструю рыбку...

— Может, сначала поедим? — спросила мама.

Она очень устала. Дорога в душном плацкартном вагоне, беготня по квартирам и бесконечные споры с хозяйками — работа не из легких.

— Ма, мы ведь на море приехали...

Мама прилегла на диван, подложив под голову стопку свежего постельного белья.

— Хочешь, за пирожками сбегаю? — покладисто предложила Сашка.

— Что мы тут, пирожками питаться будем? Есть же кухня...

— Ну ма! Хотя бы окунуться...

— Иди, — мама закрыла глаза. — Заодно купи яиц и кефира на обратном пути. Да, еще хлеба и сливочного масла.

Сашка натянула поверх купальника сарафан, сунула ноги в босоножки и, прихватив с собой хозяйкино полотенце, выскочила во двор, на солнышко.

Во дворе цвели деревья, названия которых Сашка не знала и звала про себя «павлиновыми». За цепочкой неровно подстриженных кустов начиналась улица, ведущая к морю. «Улица, Ведущая к Морю» — так Сашка и решила ее про себя называть. Таблички с подлинным названием улицы, простым и невзрачным, ничего не значили. Бывает ведь, что прекрасным вещам дают дурацкие названия — и наоборот...

Помахивая сумкой, она пошла — побежала — вниз.

Люди шли густой толпой, кто с надувным матрасом, кто с большим зонтиком, кто с одной только пляжной сумкой. Дети, как водится, обливались талым мороженым, и матери, бранясь, затирали пятна скомканными носовыми платками. Солнце давно перевалило зенит и теперь висело над далекими горами, будто выбирая место для посадки. Сашка, улыбаясь во весь рот, шла к морю, чувствуя горячий асфальт даже сквозь подошвы босоножек.

Они выбрались.

Несмотря на безденежье, несмотря на мамины проблемы на работе. Несмотря ни на что, они приехали на море, и через пятнадцать минут... десять... Сашка нырнет.

Улица повернула. Тротуар почти полностью прегражден был щитами мелкой туристической конторы — вот «Ласточкино гнездо», Массандра, Никитский ботанический, Алупкинский дворец... Звенели и гудели игровые автоматы. Железная тумбочка механическим голосом предлагала предсказать судьбу по линиям руки. Сашка поднялась на цыпочки — и наконец-то увидела море.

Едва удержалась, чтобы не кинуться галопом. Рысцой двинулась вниз по склону, становившемуся все более крутым, туда, где прибой, туда, откуда доносился счастливый детский визг и музыка приморских кафе. Сейчас...

Ближайший пляж оказался платным. Не очень даже расстроившись, Сашка сделала крюк вокруг забора, прыгнула с невысокой бетонной балюстрады, и под ногами у нее захрустела галька. Выискав свободное местечко на камнях, сбросила на сумку полотенце, сарафан, рядом оставила босоножки и, морщась, заковыляла по камням к полосе прибоя. Едва добравшись до воды, опустилась на четвереньки, плюхнулась, поплыла...

Вот оно, счастье.

Вода в первую секунду показалась холодной, а во вторую — парной, как молоко. У берега покачивались на волнах водоросли и обрывки полиэтиленовых пакетов, но Сашка плыла дальше и дальше, и вода перед ней очистилась и сменила цвет, позади остались надувные матрасы и дети на ярких кругах, вокруг открылось море, и вспыхнул ярко-красный конический

бук — как знак совершенства между двумя голубыми полотнищами.

Сашка нырнула, открыла глаза и увидела целую стаю серых продолговатых рыб.

* * *

Она возвращалась рысцей — мама, наверное, заждалась и будет ругать ее. Дорога в гору показалась неожиданно крутой и длинной. В магазинчике единственная замученная продавщица торговала и хлебом, и яйцами, и картошкой, потому очередь к ней стояла нешуточная. Сашка заручилась поддержкой плотной загорелой женщины («Вы скажете, что я за вами, хорошо?») и по Улице, Ведущей к Морю, побежала во двор с «павлиновыми» деревьями.

Человек стоял возле квартирного бюро — зеленой будки с вечно закрытыми ставнями. Был он, несмотря на жару, одет в темный джинсовый костюм. Его лицо под козырьком синей кепки казалось нездорово-желтым, восковым. Темные очки не пропускали ни лучика и ничего не отражали. И все-таки Сашка поймала его взгляд.

Ей сделалось неприятно.

Отвернувшись и не глядя больше на странного человека, она вошла в подъезд, пропахший поколениями котов и кошек, поднялась на второй этаж и позвонила в черную дерматиновую дверь с жестяным номером «двадцать пять».

* * *

Каждое утро они просыпались в четыре, когда соседи, молодая пара, возвращались с дискотеки. Соседи долго ходили взад-вперед по коридору, пили чай,

скрипели кроватью и наконец затихали, тогда Сашка с мамой засыпали снова и в следующий раз просыпались в половине восьмого.

Сашка заваривала растворимый кофе. Они с мамой выпивали по чашечке (кухня полна была грязной посуды, молодые соседи всегда очень извинялись за беспорядок, но тарелок все равно не мыли) и шли на пляж. По дороге покупали йогурт в стаканчиках, или теплую кукурузу, обильно усыпанную кристалликами соли, или пирожки с повидлом. Брали напрокат один пластиковый шезлонг, расстилали на нем полотенце и бежали купаться, оступаясь и шипя от боли на крупной гальке. Плюхались, ныряли и не выходили из воды полчаса, а то и час.

На второй день Сашка «подгорела», и мама на ночь мазала ее плечи кефиром. На четвертый день поехали на морскую прогулку, но море было беспокойное, и обеих немножко укачало. На пятый день разыгрался почти настоящий шторм, по пляжу лениво бродили полуголые загорелые спасатели и сообщали в мегафон, что «купаться нельзя, аллигаторов тьма», как переосмыслила их заявления мама. Сашка играла с волной и однажды получила, довольно чувствительно, камнем по ноге. Остался синяк.

Вечерами по всему поселку гремели дискотеки. Группки парней и девчонок, вооруженных сигаретами, стояли у ларьков, у касс, вокруг старых чугунных скамеек и вели светскую жизнь, естественную для молодых млекопитающих. Сашка иногда ловила на себе оценивающие взгляды. Ей неприятны были эти парни с их нахальными накрашенными подругами, и в то же время скребли на душе непрошенные кошки: в шест-

надцать лет отдыхать, как маленькая девочка, с мамой нормальной девушке стыдно. Сашке хотелось бы стоять вот так, облокотившись о скамейку, в центре шумной компании и смеяться вместе со всеми, или сидеть в кафе и потягивать джин-колу из баночки, или играть в волейбол на площадке, покрытой растрескавшимся, будто шкура слона, серым асфальтом. Но она проходила мимо, делая вид, что спешит по своим, куда более интересным делам, и проводила вечера, гуляя с мамой по парку и по набережной, рассматривая картины бесконечных пляжных художников, прицениваясь к полированным ракушкам и глиняным подсвечникам, занимаясь, в общем, совсем не скучными и милыми сердцу делами, — но взрывы смеха, доносившиеся от компаний, иногда заставляли ее вздыхать.

Шторм улегся. Муть в воде ушла, море опять стало прозрачным, и Сашка поймала краба — крохотного, как паучок. Поймала и сразу отпустила. Половина срока, отпущенного на отдых, улетела непонятно куда — казалось бы, только приехали, а уже через восемь дней уезжать...

Человек в синей кепке встретился ей на базаре. Сашка шла, прицениваясь к вишне, обогнула торговый ряд и вдруг увидела его в толпе. Человек стоял поодаль, уставив на Сашку темные очки, не пропускавшие ни лучика. И все-таки она была уверена, что он смотрит на нее и только на нее.

Сашка развернулась и направилась к выходу с базара. В конце концов, вишню можно купить на углу — там дороже, но ненамного. Помахивая полиэтиленовым кульком, она вышла на Улицу, Ведущую к Морю, и двинулась вверх, к своей пятиэтажке, стараясь подольше оставаться в тени акаций и лип.

Пройдя полквартила, обернулась. Человек в темном джинсовом костюме шел за ней.

Сашка почему-то была уверена, что он остался на базаре. Вероятность того, что человеку и Сашке просто по пути, оставалась, конечно, но казалась совсем несерьезной. Глядя в черные, непрозрачные стекла очков, Сашка испытала вдруг панический ужас.

Вокруг полно было отдыхающих и пляжников. Дети все так же обливались талым мороженым, ларьки все так же торговали жвачкой, пивом и овощами, с неба жгло послеполуденное солнце, а Сашке сделалось холодно до инея в животе. Сама не зная, откуда страх и почему она так боится темного человека, Сашка рванула вверх по улице так, что только босоножки застучали, а прохожие шарахнулись с пути.

Задышавшись и не смея оглянуться, она вбежала во двор с «павлиновыми» деревьями. Заскочила в подъезд и позвонила. Мама долго не открывала дверь, внизу, в подъезде, хлопнула створка, послышались шаги по лестнице...

Мама наконец отперла. Сашка вскочила в квартиру, едва не сбив ее с ног. Захлопнула дверь и заперла на замок.

— Ты что?!

Сашка прильнула к глазку. Искаженная, как в кривом зеркале, показалась соседка с кульком алычи, миновала второй этаж, двинулась выше на третий...

Сашка перевела дух.

— Что случилось? — с тревогой спросила мама.

— Да так, — Сашке уже было стыдно. — Привязался тут один...

— Кто?!

Сашка взялась объяснять. История с темным человеком, будучи рассказанной внятно, оказалась не то что не страшной — дурацкой совершенно.

— Вишню ты не купила, — подытожила мама.

Сашка виновато пожала плечами. Надо было взять кулек и вернуться на базар, но при мысли о том, чтобы открыть дверь и выйти опять во двор, жалобно подрагивали поджилки.

— Новые новости, — вздохнула мама.

Взяла у Сашки сумку и деньги и молча ушла на базар.

* * *

На другой день утром по дороге на море Сашка опять увидела темного человека. Он стоял у киоска турфирмы, будто изучая маршруты и цены, а на самом деле наблюдая за Сашкой из-за непрозрачных темных очков.

— Ма... Смотри...

Мама проследила за Сашкиным взглядом. Подняла брови:

— Не понимаю. Стоит себе мужичок. Ну и что?

— Ты в нем ничего особенного не видишь?

Мама шла как ни в чем не бывало, с каждым шагом приближаясь к темному человеку. Сашка замедлила шаг.

— Я на ту сторону перейду.

— Ну перейди... По-моему, тебе солнце голову напекло капитально.

Сашка пересекла полосу мягкого асфальта с отпечатками покрышек. Мама прошла мимо темного человека, он даже не глянул на нее. А смотрел на Сашку и только на Сашку. Провожал ее взглядом.

На пляже они взяли шезлонг, поставили на обычном месте, но Сашке впервые не хотелось купаться. Ей хотелось вернуться домой и запереться в квартире... Хотя дверь-то в квартире фанерная, иллюзия, можно сказать, обшитая старым дерматином. Уж лучше здесь, на пляже, гделюдно и шумно, где покачиваются у берега плавучие матрасы, малыш с надувным кругом на поясе стоит по колено в воде, а круг в виде лебедя с длинной шеей, и ребенок сжимает белое податливое горло...

Мама купила пахлавыв у разносчицы в белом фартуке. Сашка долго облизывала сладкие липкие руки, потом пошла к морю — сполоснуть. Вошла в воду, не снимая пластиковых шлепанцев. Красный буюк, знак совершенства на полпути к горизонту, едва покачивался на воде, отражал солнце матовым боком. Сашка улыбнулась, сбрасывая тревогу. В самом деле, смешная история. Чего ей бояться? Через неделю она уедет домой, и вообще. Что он ей сделает?

Она вошла поглубже, сняла шлепанцы и забросила на берег, подальше, чтобы не утащило случайной волной. Нырнула, проплыла несколько метров под водой, вынырнула, фыркнула, засмеялась и рванула к буйку — оставляя сзади берег, гомон, торговку пахлавой, страх перед темным человеком...

А днем оказалось, что забыли купить масло и рыбу не на чем жарить.

* * *

Покачивались розовые цветы на «павлиновых» деревьях. Дальше, в кустах, тоже что-то цвело и пахло, привлекая пчел. На скамейке дремала старушка. Мальчишка лет четырех возил мелками по бетонной бров-

ке тротуара. По Улице, Ведущей к Морю, текла обычная пестрая толпа.

Сашка вышла на улицу и опять огляделась. И рысью, чтобы побыстрее управиться, рванула в магазин.

— Женщина, вы последняя? Я за вами буду..

Очередь двигалась не быстро, но и не медленно. До прилавка оставалось три человека, когда Сашка почувствовала взгляд.

Темный человек возник в дверях магазина. Шагнул внутрь. Минуту очередь, подошел к прилавку. Остановился, будто разглядывая ассортимент. Глаза, скрытые очками, сверлили Сашку. Просверливали насквозь.

Она не двинулась с места. Сперва потому, что ноги прилипли к полу. Потом — подумав и осознав, что здесь, в магазине, ей ничего не грозит. Ей вообще ничего не грозит.. А все бросать, выбираться из очереди, бежать домой — глупо. В подъезде он ее и настигнет.

Вот разве что покричать маме со двора... Пусть выглянет в окно...

И что?!

— Девушка, вы берете?

Она попросила масло. Расплачиваясь, рассыпала мелочь. Старичок, стоявший за ней, помог собрать монеты. Может быть, попросить у кого-то помощи?

Темный человек стоял у прилавка и смотрел на Сашку. От его взгляда у нее мысли путались в голове. Позор, но все сильнее хотелось в туалет.

Закричать «помогите!»?

Никто ничего не поймет. Никто не знает, почему Сашка испытывает такой ужас перед этим обыкновенным, в общем-то, человеком. Ну, бледное лицо...

Ну, темные очки... Что же с ней происходит, когда он вот так смотрит на нее из-под непрозрачных стекол?!

Зажав в кулаке сумку с пакетом сливочного масла и бутылкой подсолнечного, Сашка пошла к выходу из магазина. Человек двинулся за ней, будто не собираясь ничего скрывать. Не притворяясь. Деловито и целенаправленно.

Переступив порог, она сорвалась с места, как спринтер. Взлетели из-под ног серые голуби. Перебежав через дорогу, Сашка кинулась, только ветер в ушах, к дому, к маме, в знакомый двор..

Двор оказался незнакомым. Сашка оглянулась — «павлиновые» деревья цвели, как всегда, и бордюр был размалеван мелками, но вход в подъезд был совсем другой, скамейка стояла не так. Может быть, это другой двор?!

Темный человек не бежал — он просто быстро шел, с каждым шагом приближаясь, кажется, на полтора метра. Сашка, обезумев от страха, кинулась в подъезд... этого ни в коем случае нельзя было делать, Сашка знала — но побежала все равно. Внизу хлопнула створка. Сашка бросилась по ступенькам вверх, но этажей было всего пять. Лестница заканчивалась тупиком запертых дверей. Сашка кинулась звонить в чью-то квартиру, звонок отдавался — ди-дон — внутри, но никто не открывал. Пусто.

Человек уже стоял рядом. Перегораживая лестницу. Перегораживая путь к отступлению.

— Это сон! — крикнула она первое, что пришло на ум. — Я хочу, чтобы это был сон!

И проснулась на раскладушке, вся в слезах, с отдаленным о подушку ухом.